

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБРЕТАТЬ, ВЫБИРАТЬ ИЛИ КОНСТРУИРОВАТЬ?

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

«Чем быть тебе велено Богом и занимать среди людей положение какое – это пойми»¹. Так определил суть проблемы римский поэт Терций и настолько удачно, что Гердер сделал эту фразу эпиграфом к одному из своих произведений. Затем это изречение заинтересовало Канта, а М.К. Мамардашвили сделал его ключом к прочтению самого Канта. Вновь и вновь возвращаясь к смыслу сказанного Терцием, он стремился разгадать главную загадку кантовской мысли.

Казалось бы, мысль Терция очевидна: можно жить и умереть, но так и не понять, кто ты есть и, что самое важное, кем тебе надо быть. С доисторических времен идентичность понималась как принадлежность к определенному роду и, в частности, как семейные отношения (отец, мать, их родители). Ответ на вопрос, «какого ты роду-племени» как бы объяснял, чего от тебя можно требовать и чего ожидать. Но уже во времена того же Терция и благодаря стараниям Терция, а также других поэтов и философов появляется новое понимание идентичности. Это новое понимание трактует идентичность как нечто неизвестное, но крайне важное, постижение чего превращается в главное дело жизни. Драмы и трагедии, мифы и баллады нередко содержали в себе сюжеты, подобные истории Эдипа или ветхозаветному рассказу о Моисее.

Обретение идентичности, в свою очередь, является тем самым обретением, которое придает жизни смысл. Эта мысль в полной мере представлена в платоновских мифах о душе и о пещере. Лишь вспомнив о своей божественной природе, лишь поняв разницу между подлинными и неподлинными вещами, душа способна обрести свободу и вернуться в Царство идей.

Философы сразу почувствовали, что само слово «идентичность» в науках о человеке и обществе создает уникальное смысловое поле, где встречаются административно-учетная, правоприменительная, театральная-драматургическая практики. Первоначальный смысл этого слова крайне прост: имя и фамилия или, в расширенном виде, имя, фамилия, национальность, социальное положение и т.д. Как будто человек готовится ответить на вопрос о том, кто он. И неважно, в какой ситуации этот вопрос воз-

¹ Цит. по: *Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1991. – С. 124.

никает: в ходе «переключки» стоящих в очереди, в ходе судебного разбирательства, в процессе знакомства или составления официальной бумаги.

Перед тем, как стать философской проблемой, понятие идентичности стало одним из центральных в психологии благодаря психиатрии и психоанализу. В социологии это случилось несколько позже, и здесь главными виновниками можно объявить концепции символического интеракционизма и статусно-ролевые теории личности. С точки зрения здравого смысла, вопрос идентификации крайне прост, но психологи и социологи сделали его крайне сложным и запутанным. Впрочем, это и оставалось бы их собственным делом, если бы не радикальные изменения в жизни человека и общества. Утрата идентичности, ее последующие поиски, ситуация лабиринта идентичностей стали фундаментальным состоянием современного человека. Отличие этой ситуации от мифопоэтических, религиозно-мистических и умозрительно-метафизических поисков себя состоит в том, что поэты и философы делают это добровольно и даже с изрядным энтузиазмом. Индивидуальные случаи психических заболеваний и социальных девиаций также не позволяют провести сколько-нибудь существенные аналогии. Утрата идентичности становится явлением вынужденным и массовым, а поиски новой идентичности идут рука об руку с сотворением нового мира, что придает этим поискам действительно судьбоносный характер.

Жить с множеством идентичностей человек не может, но и без идентичности еще не научился. А выбор идентичности оказался крайне затруднительным: история предлагает одни выборы, а внутренний опыт их не принимает. Человек оказался встроенным в множество историй, а тем самым и вовлеченным в разные проекты.

Среди проектов, продолжателем которых я могу себя считать, я нахожу и проект языческой Руси, и проект киевских князей, крестивших Русь, и Константинополь, объединивший Афины и Иерусалим. Но к Афинам можно прийти и через совсем другую историю — когда со школьной скамьи пересаживаясь на вузовскую, а затем работая над диссертациями, я остро ощутил себя участником проекта новоевропейской науки, а через него стал считать себя европейцем, пока не получил зримые доказательства того, что с этой идентичностью тоже можно расстаться.

Так от какой же именно истории надо отказаться: от монгольской, киевской, московской, петербургской, советской? И в пользу какой? А если вспомнить обо всех разноэтничных или даже иноэтничных корнях и принять их во внимание? Каждый раз осознание проблематичности прежних идентичностей сопровождается

разоблачением исторических схем, выявлением новых фактов, новых оценок, очередной переоценкой ценностей. Конфликт идентичности — вещь, в общем-то, не новая, если только не считать новой саму идентичность.

Изменение идентичности — технология решения геополитических проблем и хозяйственно-экономических задач. Наряду с идентичностью и в связке с ней идут образ жизни и стиль потребления. Интеллектуальная история Запада — это хрестоматийная череда эпох: Античность сменяется Средневековьем, за Возрождением следует Новое время — и не менее хрестоматийная череда толкований этих эпох, позволяющих нарисовать схему эволюции идентичности от древнего грека к европейцу эпохи Просвещения. А можно — и к космополиту, космоисту, коммунисту или либералу XX в. Затем интеллектуальная история как бы завершается и на смену ей приходит новая реальность. В спор об идентичности вступают иные силы, использующие интеллектуальные ресурсы и знания уже как инструмент в борьбе за власть над умами и за право конструировать идентичность.

Технологический и прагматический контексты идентичности заставляют нас думать, зачем и кому нужна идентичность. Идентичность становится предметом философской рефлексии, а затем и операционализации. Если ты не операционализируешь собственную идентичность, то за тебя это сделают другие. Быть субъектом в процессе созидания собственной идентичности крайне важно не только потому, что это в определенном смысле равнозначно сохранению свободы, а прежде всего потому, что в наступившую эпоху идентичность становится полностью рукотворной.

Одним из главных оснований для придания идентичности рукотворного характера является новоевропейское понимание свободного индивида — хозяина собственной судьбы. В английском слове «self-made» как будто заключена вся философия современного человека, считающего, что его будущее — это то, что необходимо создавать. Но можно ли быть хозяином будущего, не будучи хозяином прошлого? И вот уже императивы отношения к прошлому становятся совсем иными. Прошлое вызывает все больший интерес. Но современного человека интересует уже не только прошлое само по себе.

В социологии при описании положения человека в обществе используется понятие социального статуса. При этом социологи проводят различие между предписанным и приобретенным статусами, предполагая, что индивид может изменять исходный статус, и называя этот процесс социальной мобильностью. Точно так же идентичность можно разделить на предписанную и приобре-

тенную, причем последняя также может быть разделена на добровольно приобретенную и приобретенную вынужденно. Последняя может быть также названа повторно предписанной, тогда как первую — добровольную — чаще всего следует именовать самовольно приобретенной идентичностью.

Опыт самовольного приобретения новой идентичности зачастую носит ярко выраженный протестный и даже провокационный характер. И поэтому многим кажется, что поведение, направленное на приобретение новой идентичности, несерьезно и если и заслуживает внимания, то только как проявление общественной девиации. Так, во время последней переписи населения, молодые люди отказывались от предписанной им «общероссийской» идентичности и в графе национальность писали нечто вроде «скифов», «сарматов», «вятичей» и даже «индейцев». Возникшие в связи с этим комментарии в целом сводились к тому, что молодежь выражает свой протест против советского прошлого вкупе с нынешним состоянием общества. В общем, дурачатся, путем *reductio ad absurdum* сводят на нет важное государственное мероприятие. И основной путь преодоления такого поведения — воспитание гражданственности и патриотизма.

Между тем, есть все основания полагать, что поиски экзотической идентичности нельзя отнести к проявлениям обычного нигилизма. Слишком искренним выглядит желание людей оказаться где-то в другой исторической эпохе, когда они надевают на себя рыцарские доспехи и устраивают турниры. Участники исторических клубов с упоением постигают что-то новое, своими руками восстанавливают историческое прошлое, желают сделать его более осязаемым и телесным.

Сегодня многие обращают внимание на падение доверия к академической исторической науке. Причиной этого является не только осознание проблем и противоречий исторического знания, проблемы и противоречия всегда присутствовали и всегда будут присутствовать в любой реальной науке. Нельзя также сводить все к стремлению политических игроков использовать исторические сведения в своекорыстных целях, и даже эпизоды фальсификации данных или замалчивания фактов отдельными недобросовестными историками не добавляют ничего нового к общей картине происходящего: так было и прежде. Думается, что мы имеем дело с реакцией на процессы, связанные с внедрением в коллективное и индивидуальное сознание принципиально новых технологий, позволяющих манипулировать людьми через игру с их идентичностью. Исторические факты превратились в материал для совершенно нового способа управления индивидами и массами, что, впрочем, не исключает и расширения возможностей

для индивида решать свои собственные проблемы за счет применения к себе тех же самых технологий. Создай свою идентичность или за тебя это сделают другие. Необходимость выбора связана с тем обстоятельством, что прежнее естественное владение идентичностью уже невозможно.

М. Хайдеггер пытался осмыслить другой процесс – изменение образа мира в человеческом сознании и глубинные последствия этого изменения. Казалось бы, простая и очевидная вещь, называемая картиной мира. Наверное, она возникла по мере того, как, благодаря бурному развитию науки, накопилось слишком много знаний о мире. Фактически картина мира – это эффективное средство систематизации научных сведений, к тому же расширяющее возможности их философского осмысления и презентации широким слоям образованной общественности.

Постепенно стало казаться, что картина мира была всегда, исследователи без труда ее обнаружили не только в работах средневековых теологов, но и в античных учениях, и даже в доисторических мифах. И вот уже понятие картины мира стало важнейшим инструментом культурологии и антропологии, следом возникают понятия языковой картины мира и теории зависимости картины мира от языка. Лекция Хайдеггера «Основание новоевропейской картины мира метафизикой», позднее опубликованная под названием «Время картины мира», подняла совершенно неожиданные вопросы. Хайдеггер назвал появление картины мира сущностным явлением Нового времени, радикально изменяющим бытие самого человека. «Неудивительно, что только там, где мир становится картиной, впервые восходит гуманизм. И напротив, насколько такая вещь, как картина мира, была невозможна в великое время Греции, настолько же был бессилён тогда утвердиться и гуманизм. Гуманизм в более узком историческом смысле есть поэтому не что иное, как этико-эстетическая антропология. Это слово означает здесь не то или иное естественнонаучное исследование человека. Оно не означает и сложившегося внутри христианской теологии учения о сотворенном, падшем и искупленном человеке. Оно обозначает то философское истолкование человека, когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку»².

Таким образом, средство идентификации становится средством овладения миром, будущим, судьбой. Обращение Терция к людям и к самому себе утратило свою актуальность во время фор-

² Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 51.

мирования картины мира. Исчез Бог, повелевающий быть чем-то, а среди людей занять положение можно всего лишь искусно управляя впечатлениями. Такова не просто технология, такова уже целая теория социального действия — теория управления впечатлениями И. Гофмана. Правда, социального теоретика не волнует проблема создания благоприятного впечатления о себе в собственных глазах, тем не менее эти мотивы проявляются в процессе конструирования собственной идентичности. Помимо социальной значимости есть ведь еще и глубинные слои человеческой экзистенции, и естественная тяга к обновлению, к обретению новых возможностей, дорогу к чему могла бы открыть новая идентичность.

Новая идентичность, каковой бы она ни была — приобретенной добровольно или недобровольно, присвоенной или навязанной, — всегда означает новые права, новые полномочия, новую вину и новую же ответственность. Помимо воли своего обладателя новая идентичность вписывает его в совершенно иной событийный ряд и включает в отличный от прежнего повествовательный контекст. Массовая смена идентичности становится возможной благодаря новому отношению между индивидом и миром, характерному для эпохи модерна. Таким образом, идентичность формируется благодаря картине мира или, вернее, картинам мира, число которых постоянно возрастает. Но вопрос о правах и обязанностях никуда не исчезает и мера произвольного обращения с собственной идентичностью соответствует мере свободы от обязательств перед тем, что стояло за прежней идентичностью.

Вопрос о том, можно ли рассматривать акты смены идентичности в терминах измены, предательства, отказа выполнять обязанности, невольно возвращает нас к теме обязательств перед родом. «Любовь к отеческим гробам» вменяется человеку большинством философских доктрин как фундаментальная ценность и составляющая человеческой природы, утрата которой связывается с деформацией глубинных слоев человеческой экзистенции. Космополитический проект не ставит под сомнение это чувство, но позволяет любить, наряду с отеческим наследием, любое другое и тем самым расширить сферу наследования, расширить «объем» и «содержание» идентичности. Таким образом, он позволяет окончательно перенести процедуру идентификации в символическую плоскость. Понятно, что буквально говорить от имени человечества, подтверждая свою причастность к *genus hominum*, можно лишь в разговоре с самим собой, с потусторонними силами или с вымышленными персонажами или в полемике с теми, кто ставит ценности рода превыше всего. Но подлинным космополитом может считать себя только тот человек, чье

отношение к прошлому преисполнено смысла. Космополит ценит духовный опыт прошлых поколений, он восхищен творениями человеческого духа и воспринимает даже самые страшные исторические факты с высоты трагического мироощущения.

Но не менее интересен процесс утраты интереса к собственной идентичности. Идентичность не имеет значения (или: identity no matter)! Таков девиз тех, кто не в состоянии осуществлять бесконечные дискурсы с целью подтверждения, опровержения, уточнения и изменения собственной идентичности. Трагическое мироощущение всегда было уделом немногих, но именно оно находилось в горизонте внимания этих немногих. Лишь в последнее время возник интерес к теме самоощущения и самоидентификации у масс, у среднего человека. Тот самый средний человек, беседовавший с Заратустрой, перестал быть контекстом и средой, став субъектом действия и объектом воздействия.

Весь XX век проходил на фоне широкомасштабных открытий, в ходе которых широкие народные массы открывали новое содержание собственной идентичности или радикально изменяли ее. Этому способствовали все более новые «открытия» и технологические разработки философов. В применении предложенных М. Фуко методов археологического и генеалогического дискурса-анализа каждый раз кроется возможность очередного сюрприза, каждый раз ставится под сомнение все предшествующее знание, в том числе и основания для идентификации и самоидентификации. Есть исторически сложившийся порядок дискурса и есть условия идентификации в рамках данного порядка. Сама по себе смена порядка приводит к смене идентичности, но это происходит не всегда и не по единой схеме.

Что изменилось в самопонимании и самоощущении носителей идентичности? Думается, что, прежде всего, изменилось отношение к ней самой, к порядку конституирующего идентичность дискурса. Каузальное отношение к идентичности уступило место телеологическому. Из хранителя традиции человек постепенно превратился в продолжателя и преобразователя. Идентичность стала наполняться содержанием, максимально успешным, с точки зрения будущего. Если прежде приукрасить деяния предков было делом обычным, а сами предки с их историей и нынешним состоянием не подвергались сомнению, то сегодня здесь также появилась возможность выбора.

Понятно, что отказ от идентичности и смена ее на иную может быть связан с оценкой ее перспектив на будущее. Идентичность ведь связана с каким-то социально-историческим проектом, и если этот проект ставится под сомнение, то сомнительной становится и перспектива связанной с ним идентичности. Так,

неожиданно для себя россияне в массе своей подвергли сомнению свою европейскую идентичность, которая еще полтора-два десятилетия назад была одним из главных аргументов в пользу исторической жертвы — отказа от советского наследия. Во имя воссоединения с Европой россияне, украинцы, белорусы, почти не раздумывая, пожертвовали тем политическим, экономическим и социокультурным порядком, который более полувека обеспечивал жизнедеятельность всего государства. Да и самим государством пожертвовали с наименьшей легкостью. И все ради возможности вернуться в свою цивилизационную семью, что оказалось невозможным. «Незаконнорожденному» и «неполноправному» члену указали на его место и разработали неприемлемые условия вхождения, что обусловило не менее стремительный скачок к прежней идентичности. Хотя эта самая прежняя идентичность также оказалась недоступной, факт предательства навсегда разрушил прежнюю гармонию. Зато полузабытые воспоминания о евразийстве, панмонголизме и других духовных течениях с геополитической составляющей оказались некоей альтернативой, способной дать желаемую идентичность.

Сегодняшние события в Молдове наглядно показали, что на выбор идентичности влияют не только и не столько экономические интересы, сколько позитивный образ будущего. Не только желание иметь более высокий уровень жизни и лучшее ее качество привлекает молодых молдован в проекте присоединения их страны к Румынии. Даже если им в полной мере известно славное прошлое Бессарабии в составе Российской империи, большинство из них не видят не только славного, но даже сносного будущего. Все сторонние наблюдатели отмечают российскую стабилизацию и некоторое усиление, но мало кто верит в возможность исторического и цивилизационного рывка в мир высоких технологий и инноваций, т.е. в мир будущего. И вот уже наметились роковые для этой цивилизации последствия. Ее тело начинает уменьшаться, сжиматься, «скукоживаться». Под влиянием экономических и статистических расчетов начинает разрушаться русский мир. За молдаванами следуют или даже опережают их украинцы, грузины, «русскоязычные» россияне. Те, кто может изменить идентичность, изменяют ее. Большинство тех, кто не может, испытывают смешанное чувство обиды и тревоги. Еще бы, ведь в случае надвигающейся катастрофы придется в одиночку отвечать за то, что делали вместе. Таково бремя и даже крест идентичности, с которой нельзя расстаться.

Заинтересованные стороны, которых в подобных случаях всегда бывает достаточно, используют специальные технологии, разработанные сравнительно недавно. В борьбе за «испанское наслед-

ство» можно выиграть, а можно и остаться ни с чем. Дж.Б. Томпсон приводит примеры того, что он называет оперированием идеологиями. «Существует бесчисленное множество вариантов того, как смысл в конкретно-исторических условиях служит поддержанию доминирования... Может быть выделено пять общих способов, посредством которых оперирует идеология: «легитимация», «сокрытие», «унификация», «фрагментация» и «реификация»³.

Легитимация или рациональное объяснение какого-либо порядка, распределяющего власть и влияние, роли и статусы, необходима для организации социального взаимодействия. Но в период изменений необходимо сделать легитимными новые порядки, установившиеся взамен старых и отрицающие их. Необходим набор новых историй и рассказов, которые сделают прежние порядки неприемлемыми в глазах потенциальных слушателей. Лишь тогда можно будет утверждать новые порядки как единственно возможные, моральные и разумные. Под вопрос ставится история, вернее, отдельные ее толкования, ибо социальные изменения – это не только социально-классовые, но и почти всегда этнонациональные переориентации. И здесь уже идентичность наполняется совершенно новым содержанием, связанным с *реинтерпретацией* хорошо известных исторических фактов и открытием новых. Если в прежней трактовке истории предки мужественно сражались с одними соседями, являвшимися вечными цивилизационными антагонистами, то с другими всего лишь имели случайные столкновения. Эти вторые представлялись как стратегические союзники, а конфликты с ними не имели исторического значения. Но вот происходит смена порядка и в целях легитимации новых институтов стратегические союзники и цивилизационные антагонисты меняются местами.

Реинтерпретация фактического материала, который, как мы знаем, вообще не существует в чистом виде, актуализирует второй способ оперирования идеологиями – *сокрытие*. Томпсон приводит такие ее формы как замещение, эвфимизацию, метафоризацию и троп. Затемнение некоторых картин, забвение фактов, увод в тень смыслов и значений, рожденных прежними, ныне «впавшими в немилость» интерпретациями. Действительно, сфера существования значений и смыслов может подвергаться изменению путем замены одних рассказов другими. Но само забвение не происходит автоматически, ибо историческое прошлое воспро-

³ См.: Томпсон Дж.Б. Идеология и современная культура // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследование. – М.: Аванти плюс, 2003. – С. 259.

изводится с удивительной регулярностью, оно присутствует в корпусе культурно значимых концептуализаций, в текстах, в традициях, непосредственно в языке. Для того чтобы внести изменения, необходимо осуществлять фильтрацию в процессах культурного репродуцирования и делать это так, чтобы смысл самой фильтрации не бросался в глаза. В процессе замещения позитивные коннотации автоматически переносятся с одного объекта на другой, нейтрализуя важные элементы отвергаемой картины мира и упраздняемых рассказов. То же самое происходит и с негативными коннотациями, которые, будучи подвергнуты замещению, могут производить инверсию в механизмах самоидентификации. Так и появляются русские фашисты, русские «последователи» Адольфа Гитлера, который, оказывается, был защитником белой расы. А то, что он не причислил бы к этой самой расе практически никого ни из них, ни из их предков, вроде бы известно, но не имеет большого значения. Если нельзя, но очень хочется, то все же можно!

Особое значение в процессе изменения картины мира путем трансформации символических форм имеет *унификация*. «В этом случае отношения доминирования могут поддерживаться посредством конструирования на уровне символических форм единств, которые обеспечивают индивидов некоторой коллективной идентичностью независимо от присущих им различий»⁴.

Никто и не скрывает, что при помощи унификации формируется сегодня общеевропейская идентичность, посредством которой еврооптимисты надеются восстановить утраченное некогда единство. Действительно, существовавшее в поздней Античности единое культурное пространство, границы которого почти совпадали с границами Римской империи, сыграло огромную роль в последующих судьбах европейских народов. Да и средневековая Европа, объединенная христианской религией и порождавшая общую философию, науку, искусство, вызывает сегодня ностальгию у многих. Каким бы интенсивным ни был диалог интеллектуальных и творческих элит в каком-нибудь XVIII или XIX веке, их переход на национальные языки привел к существенному обособлению, а научно-технический прогресс с последующей милитаризацией научных исследований подорвал и без того ослабевшие связи. И вот сегодня идея формирования общеевропейской идентичности становится главной целью реформы образования, а вопросы повышения его качества и эффективности рассматриваются как второстепенные.

⁴ Томпсон Дж.Б. Идеология и современная культура. — С. 262.

Какие бы цели ни ставили перед собой те, кто стоит у руля нового объединения Европы, манипулятивная составляющая в их действиях кажется избыточной. Особенно отчетливо это просматривается в вопросах, которые касаются четвертого способа оперирования символическими формами. Речь идет о *фрагментации, дифференциации или об исключении*. В процессе объединения одних групп эффективным средством оказывается их отделение от других. Если в предыдущем действии – универсализации – различия волшебным образом отступали на второй план, а общие моменты всячески преувеличивались, то в процессе дифференциации именно различия становятся значимыми. Более того, их значимость возрастает непомерно. Вольно или невольно объединительным началом становится коллективное создание одними и принятие другими образа врага, в качестве которого редко выступает случайно попавшийся субъект социального или политического действия. Чаще всего «за скобки» выносятся и демонизируются те, кто обладает историческим или культурным капиталом, способным противодействовать объединению. Так и получается, что объединение молдаван с румынами означает их объединение с Европой, но для такого объединения необходим разрыв, в том числе и культурный, человеческий, языковой с Россией. Только через разрушение и уничтожение «русского мира», существовавшего в Молдавии без малого три столетия, лежит путь молдавского народа к общеевропейской идентичности. А ведь еще несколько десятилетий назад «русский мир» в Молдавии активно развивался. Для его уничтожения недостаточно административных шагов, таких как удаление из школьных и вузовских программ русского языка и русской литературы или финансирования издания книг на русском языке. Нужна еще системная пропаганда и культурная политика, целью которой является эта самая фрагментация. Лишь она может обеспечить становление новой идентичности, значительно менее естественной.

Современный человек ощущает, что что-то очень важное происходит с ним, но без его воли. О том, что он становится жертвой идеологических и информационных войн, он узнает, но всегда с опозданием. Тем не менее, его скептическое отношение и к поставляемой информации, и к предлагаемым обновленным картинам мира, и к их источникам, способно подорвать все усилия по созданию/конструированию его новой идентичности. Самым сильным средством, цементирующим все изменения, произведенные рационализацией, сокрытием, универсализацией и фрагментацией, выступает *реификация*. Исторические, социальные и культурные процессы предстают благодаря реификации символических форм как разновидность естественных. Их случайный и ру-

ктворный характер не просто ставится под сомнение, но и отрицается посредством изощренной аргументации. Разными способами стираются все следы и признаки того, что эти процессы во многом являются результатами решений, принимаемых людьми, наделенными не только разумом, но и волей, эмоциями, разнообразными предпочтениями.

Реификация исторически случайного превращает его в представлении людей в социально неизбежное, что порождает и специфическое отношение к этой картине мира со стороны человека. К природным процессам необходимо приспосабливаться, их надо принимать как некую данность. К рукотворным процессам отношение совсем иное, предполагающее оценку и определение в категориях сущего и должного. Понятно, что эти процессы не могут быть надежным фундаментом для идентичности. Так, совсем недавно усилиями публицистов в очередной раз была поднята проблема случайности выбора веры киевским князем Владимиром. Но ведь эта случайность явилась поистине судьбоносной для обретения идентичности.

Осознав тяжесть экзистенции в процессе осмысления собственной идентичности, современный человек вновь вернулся к древним вопросам о случайности и конечности своего бытия. Но в таком вопрошании появились и совершенно иные контексты, связанные со свойствами самой современности. То, что З. Бауман так метко назвал текучестью социальности или текучей современностью, не позволяет в современном мире иметь устойчивую идентичность. В ощущение, понимание и переживание идентичности вплелись сомнения, пищу для которых обильно готовит тот тип культуры и духовной жизни, который установился благодаря этой самой текучей современности.

Примером нового способа бытия идентичности становится ситуация, складывающаяся в сфере интеллектуального труда, в науке, образовании, аналитической деятельности. М.А. Розов в своей статье «Мотивы научного творчества и явление социальной мимикрии» подробно анализирует в контексте данной тематики так называемые рефлексивные преобразования, позволяющие превращать одни виды деятельности в другие. Трудовая деятельность может превращаться в спорт или рекреацию, а те, в свою очередь, могут стать и повсеместно становятся профессиями. В статье рассматривается ситуация, когда поступление на работу связано с желанием зарабатывать деньги и, одновременно с этим, с необходимостью выполнять некоторые функции. Конфликт в сфере целеполагания может проявиться, а может и не проявиться — это зависит от конкретной ситуации. Человек «может, вероятно, различным образом осознавать свою цель, но это, до поры, до вре-

мени, не так уж существенно для общества, если рефлексивные преобразования не меняют характера действий»⁵. Но в том-то и дело, что современный мир постоянно создает ситуации, когда социальные системы даже не предлагают индивиду выбора, они просто изменяют направление своей деятельности в перманентно переструктурирующемся, трансформирующемся и реконфигурирующемся мире. Результатом такого постоянного изменения становится разрыв между идентичностью и такими прежде важными ее коррелятами, как профессия, интересы, биография. Идентичность оказывается в безвоздушном пространстве, когда ее можно почти свободно выбирать, но практически невозможно защитить свой выбор.

Из дискуссии:

Розин В.М.: Одно из Ваших утверждений буквально гласит – «распорядись своей идентичностью сам». Но, например, приняв установку «чтобы жить хорошо, буду непорядочным, разбойником», сможете ли Вы сами полностью распоряжаться своей идентичностью? Думаю, что нет. Вы говорите: смогу, но не до конца, это тоже ваше выражение: не до конца. А я думаю, что вообще не сможете. Но тогда причем здесь проект? Вы говорите, что это произвольный выбор, а на самом деле мы идентичностью распоряжаться не можем, это только так кажется. Возникает противоречие между Вашей трактовкой идентичности и проектностью, эти вещи несовместимы.

Пржиленский В.И.: Смысл утверждения «распорядись идентичностью» состоит в том, что либо за меня это сделают другие, либо я это сделаю сам – активно, субъектно.

Розин В.М.: Вы не можете стать непорядочным!

Пржиленский В.И.: Быть непорядочным, как и быть разбойником – это не идентичность. Это свойство.

⁵ *Розов М.А.* Мотивы научного творчества и явление социальной мимикрии // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XIX. № 1. – С. 35.